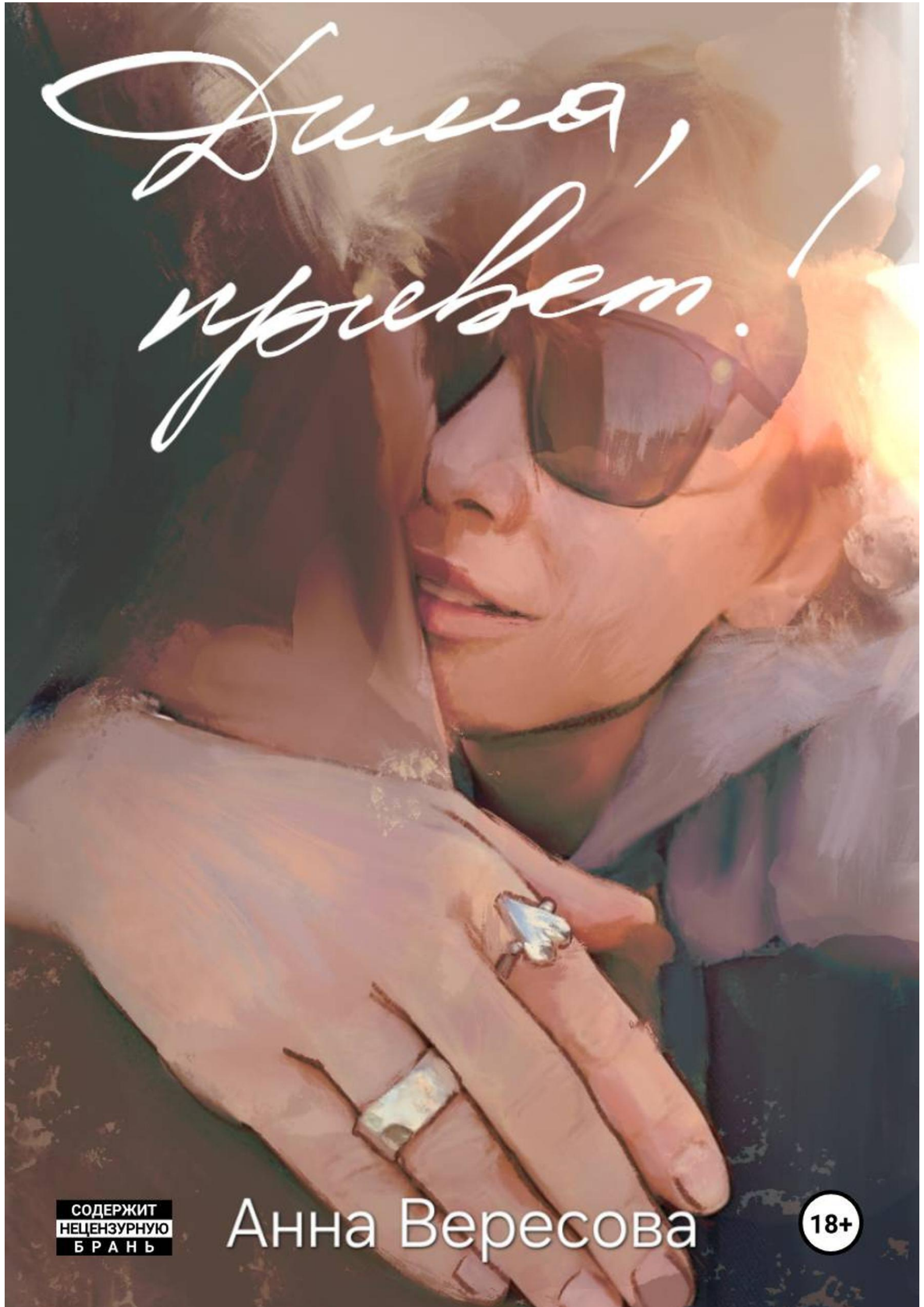

Анна, привет!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна Вересова

18+

Анна Вересова

Дима, привет!

«Автор»

2026

Вересова А.

Дима, привет! / А. Вересова — «Автор», 2026

Современный мезальянс: взрослая замужняя женщина и молодой кузнец встречаются в эмиграции и неожиданно становятся парой. Их любовь меняет способ видеть реальность. Вместе они осваивают новую жизнь, учатся смотреть на мир друг через друга и постепенно помещают свою любовь в миф — с собственным языком, ритуалами и законами. Но реальность прорывается сквозь этот хрупкий кокон.

© Вересова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Анна Вересова

Дима, привет!

Глава

Никто из нас не посчитал эту встречу судьбоносной: он был слишком молод; я замужем, но в той неловкой ситуации, когда я всё ещё замужем, а мой муж уже не женат.

Дима написал мне несколько слов в Telegram, я ответила несколькими словами. Мы договорились поиграть в волейбол на пляже. Был август, жгло нещадно. Я заплутала между бесконечными волейбольными сетками, расставленными на Богатели, и спросила в общем чате: «Куда дальше?» Он ответил: «Машу руками».

Я повернулась и обрела ориентир на следующие полтора года. Он стоял там в оранжевых шортах и выглядел как спасательная шляпка в море лоснящихся людей.

Тогда Дима носил бороду, за которую получил в нашей компании прозвище «Иван Грозный»: редкую, длинную, растущую под подбородком. Я старалась не смотреть на неё лишний раз. Он писал мне «как дела?» и «спокойной ночи», отвечал почти мгновенно, смеялся над плохими шутками, слушал нарезки моих воспоминаний: что-то среднее между стендапом и трагедией. Ходил со мной на волейбол, в бар, поиграть в бадминтон, посмотреть регату. Он захватывал пространство моей жизни. Мы говорили о прошлом, мы говорили о настоящем и никогда о будущем.

Для меня это было время семейного краха. С милой улыбкой я шагала сквозь взрослую жизнь, об которую можно было убиться: «мы не росли вместе», «ты такая, как все бабы», «ты ничего не сделала для нас» — мой бывший муж слал мне то проклятия, то признания в любви, но сам уже год жил с малолетней любовницей.

Мне было сложно пробираться через это предательство. Я то и дело собирала черепки прошлого, пыталась сложить их друг с другом, показывала окружающим, заглядывала в лица и говорила: «Ну посмотрите, было же! Было?» А они отвечали: «Ты сама виновата», «Нельзя было оставлять», «Нужно было лучше заботиться». Всё это отнимало у меня форму. Я пряталась где-то в солнечном сплетении и оттуда проговаривала: «Вдох-выдох, вдох-выдох».

Первый раз Дима коснулся меня в начале сентября, обыденно приобнял для селфи, я отпрянула. Мне не нравилась мысль, что мы можем быть физически близки. Но он снова придвинулся, положил руку мне на плечи, и я услышала металлический запах. Дима пах железом всегда — его можно было замочить в лавандовом масле и на выходе получить лавандовое масло с запахом железа. Потом он пропитает им мой дом и мою кожу, и я как кошка буду нюхать его футболки.

Дима был кузнецом. Он брал кусок металла, грел и рисовал узор железа на железе, оно обретало форму в его руках. Я, как замороженная, по кругу смотрела рилсы в его Instagram: вот он берёт с наковальни сияющую белую материю в оранжевом нимбе, горячий брусок из ста двадцати слоёв стали; вот он уверенно идёт к огромному красному молоту и меняет форму кипящего куска. Он делает это почти нежно, точно; его руки сильные, но не напряжённые, он сосредоточен.

И тогда я знала, что уже присутствую там, в его голове. Я писала ему:

— Выглядит впечатляюще. Ты умеешь управляться со сложными штуками.

Он говорил:

— Вот тебе и ответ, почему мы хорошо ладим.

В то время у меня болели пятки, до полной невозможности наступать на правую ногу, и только в воде мне не нужна была опора. Но я всегда боялась её потерять, и поэтому боялась воды.

А Дима всё шутил, мол, если летом не купаться в Барселоне, придётся платить штраф:

— Мульты пятьсот евро.

Однажды я согласилась:

— Только если начну тонуть, спаси меня.

У воды сняла футболку и шорты, осталась в чёрном спортивном купальнике, и Дима на секунду остановился. Он мною любовался, а я не пряталась. Мы погрузились в молочное тело воды и лежали там морскими звёздами под тёмно-синим весом неба, рассуждали о диктатуре, ранних маслятах и специфике его родной белорусской речи.

Потом, воскресая, я стану составлять список того, что мы ни разу не:

1. Мы никогда не плавали голыми в море.

Не отталкивались друг от друга кожей, не стояли в волнах на цыпочках, прижавшись, как рубин к рубину.

Конец списка.

Впервые мы пошли в горы в конце сентября, по моему любимому маршруту на Монсеррат. По пути подкорректировали его и таким образом сделали нашим, а не моим. Дорога текла вниз, мы шли вверх. Дима принёс еду: запечённую рыбу и перец. И мы обедали на пузатых камнях массива, придумывая названия фигурам скал: это женщина с грудями, мумия, слон, это идол или что-то вытянутое с головкой.

По пути я снимала видео, и Дима охотно принимал участие в маленьких сценках. Так у нас началась серия смешных роликов «Он сказал»:

— Он сказал, что нужно идти туда, — я задыхаюсь от резкого подъёма, показываю пальцем вверх.

— Он — это внутренний голос Ани, — смеётся Дима и входит в кадр.

— Это потому, что финальную точку похода выбирала я!

Или:

— Он сказал, что это секретная база Фантомаса, — показываю пальцем на телестанцию, лежащую пониже, её длинная антенна устремляется прямо к богу, на ту высоту, где мы сейчас летим.

За кадром мы рядом, я поворачиваюсь и смотрю на его профиль, совершенно не скрывая этого: он красивый, подстриг свою бороду, накормил меня, я не могу себе позволить любить сейчас.

— Давай сделаем селфи?

— Иди сюда, — он привлекает меня к себе, я кладу руку ему на спину и впервые чувствую сладкий уксусный запах, запах его желания, который почти перекрывает железо. Я кусаю губу изнутри, идёт кровь — тоже железо.

Успокойся, Аня. Он не для тебя.

Наутро записала в блоге:

«я вчера друга заманила в горах. говорю: давай, фоткай меня, и чтоб я красивая, худая и молодая. друг говорит: я был женат, я в курсе.»

Дима любил и умел шутить, диапазон его юмора был огромен: от тонкой философской иронии до балаганных шуток.

«ну короче, слезли с горы, сели в бар, он резюмирует: балин, никогда столько фотографий не делал. у меня 100 штук. правда, 56 из них ты :)»

А у меня двести штук, и сто девяносто девять из них ты: на двенадцать лет младше, на двух детей меньше, на жизнь дальше, с разницей в пятьдесят стран и два языка, бородатый и

крепко пахнувший. Руки у тебя небольшие, пальцы в кольцах, запястья в браслетах, но однажды ты сожмёшь меня этими руками в комочек, и окажется, что это руки бога.

Потом мы пошли дальше, наши будни состояли из шуток, лёгких касаний, спортивных событий: просто два друга сосуществуют вместе на чужой земле, где им предстоит пересобраться.

Дима много бегал — боролся с тревожностью. И вот в октябре, после его дня рождения, я написала: «Хочешь, я поеду с тобой на следующий марафон?» Он ответил почти сразу: «Хочу». Мы ждали месяц. Я то забывала о предстоящей поездке, то вспоминала и думала, что зря это всё, зачем давать надежду там, где её не может быть.

Вокруг говорили: присмотришься к нему, он имеет на тебя планы. А я смеялась в ответ: ну какие планы? Двенадцать лет разницы — пропасть. Но теперь избегала его: на групповых фотографиях вставала с другой стороны, в играх тоже играла против. Реже отвечала в Telegram, пыталась держать границы, но на марафон поехала.

Он начался ещё на железнодорожной станции, где мы встретились, пошли в поезд и попали в маленькую Индию, оказавшись единственными европейцами во всём вагоне. Все ехали на свадьбу: шумели, ели, смеялись. Красивые и странные люди в камнях и шёлке предлагали нам еду, разглядывали как экзотических птиц. Мы тоже, получается, какое-то время ехали на индийскую свадьбу. Но сошли в Льеиде в холодный и плотный туман ноября. Мы шли по безлюдным предмарафонным улицам, увлечённые своими шутками, и не понимали, что пустота вокруг не норма, но наш новый мир. Где бы мы ни оказывались с этого момента, пространство расчищалось, оставляя нас наедине.

— В чём мне бежать, в длинном рукаве или майке?

Достаю телефон, начинаю снимать пустую улицу, где в густоте тумана подвешена красная бегущая строка: Lleida, 17 de novembre, +7 °C.

Перевожу камеру на Диму:

— Он сказал, что не знает бежать в длинном или коротком, здесь семь градусов и туман. Ещё вопросы?

— Жаль валенки забыл, — фыркает он, я тоже фыркаю.

Марафон стартовал, я пробились к ограждению и высматривала Диму в колышущихся волнах бегунов, волновалась. Когда он пробежал мимо, я села ждать у финиша, укутавшись в его железнопахнущую куртку. Он вернулся счастливый и мокрый, обнял меня, я не отодвинулась и подумала: мокрый и мокрый, потерплю, если это важно.

В тот день мы снова пошли на гору, находившуюся прямо в городе, там стоял замок неожиданной красоты для этого унылого места — он был как будто вырезан из слоновой кости. Мы бродили там одни, рассматривали каждый угол. На одну из ниш Дима показал и сказал:

— Вот сюда мы поместим Аню, как статую, и будем зарабатывать деньги на её труде.

Он видел меня произведением искусства задолго до того, как увидел по-настоящему.

Я снимала видео:

— Он меня заставляет сказать, что я сюда не хотела идти. Блин, нет, с такой причёской нельзя снимать видео, — я всклоченная после подъёма на гору.

— Это называется — заставляю говорить правду, — Дима наклоняется в кадр, его низкий голос распространяется в аркаде. Я закатываю глаза и поправляю волосы:

— Он меня пытается. — Заигрываю с камерой, Дима возвращается в кадр, за моё плечо:

— У меня тоже сегодня ужасная причёска, так что у нас с тобой комбо.

— Фэмили лук, — мы смеёмся. Вокруг никого, он смотрит на меня, я расцветаю.

Потом мы ели лапшу и бежали на вокзал, заскочили в поезд, пронеслись по вагону к свободным местам, плюхнулись и выдохнули.

Замолчали, вокруг нас потрескивало пространство. Он взял меня за руку, все его мысли и желания взлетели по моей коже от ладони к губам. Я повернулась и посмотрела прямо в него: «Дима, кажется, у нас начались проблемы».

А он сказал: «Почему? Мне показалось, что сейчас это был самый естественный жест».

Больше он ко мне не прикасался, а я начала всё чаще любоваться им: сильные ноги, широкая шея. Родинка на правой щеке прячется в складку улыбки, под нижней губой треугольник волос, чёрные завитушки в галочке яремной ямки.

Интересно, какая у него форма губ под этими плотными усами? Мягкие ли они, уверенные ли? В конце ноября мы напились. Боги, боги, как выжили — непонятно. Шли большой компанией по Поблену, то пели, то смеялись, говорили громко и наперебой. Дима шёл рядом, иногда придерживал меня, шатающуюся, за талию. И когда нужно было повернуть домой, я не повернула. Сказала: «Пройду до следующей станции». Наши товарищи отшелушились по пути, мы остались друг с другом, снова помещённые в безлюдную реальность.

Остановились: «Хватит уже, Дима, иди сюда!» И он шагнул ко мне без единого сомнения. Его губы оказались в самый раз.

Я телепортировалась домой на красном велосипеде без тормозов. По пути видела все звёзды, все деревья, все времена. На светофоре записала ему голосовое:

«Я знаю, что ты не любишь голосовые, но потерпи, пожалуйста. Мне так много нужно тебе рассказать, а по кнопкам я не попадаю. Дай шанс упасть в тебя».

Дима напечатал:

«Нет, я не хочу, чтобы завтра утром ты жалела: блин, дала Диме пьяная. Я хочу, чтобы всё было по-настоящему».

Голосовое:

«Ты знаешь, тут деревья, собаки и светофоры. Я приняла это решение не сегодня. Мне очень страшно. Посмотри, что мы наделали, я записываю тебе голосовые, и ты их слушаешь».

Дима:

«Это только сегодня».

Я включила камеру и записала наш первый видео-кружочек:

«Если нельзя голосовые, то видео можно? Смотри, какая я красивая и счастливая».

В ответ он отправил сердечко, которое в Telegram оказалось объёмным, поворачивалось вокруг своей оси и пульсировало. «Какое огромное», — подумала я.

И после этого мы с Димой поместили себя в эти кружочки: в них мы показывали цветущие деревья, голых нас, зелёных попугаев, смешных мужиков на прайде, мою кошку, новый гидравлический пресс, небо Москвы, трещины в асфальте, собак, которых я встречала, дурацкую стрижку, сломанный ноготь, книжку, которую я хотела ему прочесть, картины с котами, громадный двуручный меч, лошадь, которая сломала поилку, чёрный жемчуг в антикварном магазине, краткое пособие по изготовлению пушки, Гранд-канал, дельфинов перед яхтой, чьё-то пение под гитару. Ночное небо — абсолютно чёрный кружочек. Просто верь мне, что их там мириады. Я верю, я верю, и я с тобой внутри твоих глаз, мы смотрим вместе на этих медведиц, дев и львов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.